

Л.С. Лыкошина

Политическая элита современной Польши

***Аннотация.** В статье рассматривается роль польской политической элиты в процессе общественной трансформации. Содержатся сведения о состоянии элитологии в стране. Основное внимание уделяется проблемам взаимоотношений «старой» и «новой» политических элит, а также рекрутированию элиты.*

***Abstract.** The article addresses the role of the Polish political elite in the process of social transformation, focusing on the current state of elitology in the country, the relations between the «old» and «new» political elites and the mechanisms of recruitment.*

***Ключевые слова:** Польша, политическая элита, рекрутирование элиты, смена элит.*

***Keywords:** Poland, the political elite, elite recruitment, change of elites.*

В процессе общественной трансформации, приведшей к сущностному изменению всех сторон жизни Польши, роль движущей силы сыграла политическая элита, что обуславливает особый интерес к изучению элит польскими обществоведами. Причем этот интерес имеет достаточно глубокие корни, восходящие еще к межвоенному периоду, когда с оригинальной концепцией элиты выступил известный польский

ученый Ч. Знамеровский, работы которого неоднократно переиздавались в Польше после 1989 г.¹ Ч. Знамеровский определял элиты как некую «общность людей.., выбранную определенным образом из большой группы». Приверженец меритократии, он полагал, что само существование элиты в демократическом обществе нежелательно. Но коль скоро элиты существуют, необходимо стремиться к тому, чтобы к таковым принадлежали люди, отличающиеся особыми качествами и достоинствами [Znamierowski, 1992, s. 87].

В социалистической Польше развитие элитологии было осложнено господством марксистской парадигмы в общественных науках, хотя следует признать, что оно никогда не было абсолютным. В наименьшей степени засилье идеологических норм испытала на себе польская социология, активно использующая достижения научной мысли как межвоенной Польши, так и Запада. Не случайно именно социологический подход преобладал в элитологии вплоть до конца 1980-х годов.

Несомненная активизация исследований в этой области наблюдается после демократической революции 1989 г., причем главная роль в этом процессе принадлежит институтам Польской академии наук (ПАН), в частности созданному в 1990 г. Институту политических исследований, а также Институту философии и социологии ПАН. В теоретико-методологическом плане, по оценкам видного польского элитолога Я. Василевского, можно выделить три основных направления исследований: первое направление связано с изучением теории элит; второе представлено работами, которые носят описательный характер; к третьему относятся исследования, в которых элиты не являются основным объектом изучения, а рассматриваются в контексте широко понимаемых общественных процессов [Wasilewski, 1996, s. 228].

В польской науке, по мысли известного польского социолога В. Веселовского, представлены две основные концепции теории элит. Одна из них основана на идеях Парето и отличается преимущественно социологическим подходом к проблеме. Вторая

---

¹ Ч. Знамеровский (1888–1967) – польский философ и правовед, профессор Познанского университета. – Прим. авт.

концепция тяготеет к идеям Вебера и Моски, сосредоточивая внимание на вопросах политического лидерства и власти. Элита в данном случае рассматривается как профессионально функционирующая, институционально выделяемая категория. Анализируя последний подход, В. Веселовский замечает, что он предполагает выделение политической элиты среди прочих элитных групп [Wesołowski, 1980, s. 9]. В рамках этого анализа к элите причисляются политики как пребывающие у власти, так и находящиеся в оппозиции.

Веселовский полагает, что политическая элита может быть определена и как властвующая, ибо она аккумулирует политическое влияние и манипулирует им для того, чтобы превратить его в государственную власть. Относя к элите тех, кто в силу своего места в политической структуре принимает государственно значимые решения, исследователь замечает, что на принятие решений оказывают влияние разные структуры, как формальные, так и неформальные (партии, группы интересов, группы влияния). К элите могут быть отнесены и лица, включенные в процесс формирования политических программ. Причем участие в нем может быть как позитивным – в виде представления позитивных предложений, так и негативным – в виде борьбы против этих предложений. Таким образом, можно говорить об «элите решений» и «элите влияния», причем в некоторых случаях обе элиты могут совпадать, например, когда речь идет о правительстве [Wesołowski, 1980, s. 24, 29].

Многообразие подходов к разработке теории элит предопределяет спорность вопроса о дефинициях и конкретном содержании этого термина. Однако, как полагает известный философ З. Бауман, «реальное изучение конкретных проблем важнее, чем бесконечные споры о дефинициях» [цит. по: Wasilewski, 1996, s. 229].

В Польше центральными проблемами в изучении элиты являются *взаимоотношения «старой» и «новой» элит и принципы рекрутирования* политической элиты. После демократической революции 1989 г. в стране происходил процесс трансформации прежней коммунистической элиты в новую демократическую. В результате возникла элита, которая может быть определена как «элита консенсуса»: несмотря на неоднородность, ее представители были

объединены признанием «общих правил игры» в политике. Термины «старая» и «новая» элиты достаточно условны: старая элита в Польше никогда не была монолитным образованием и включала в себя людей с далеко не ортодоксальными взглядами. Процесс создания «элиты консенсуса» проходил в стране мирным, эволюционным путем вследствие реализации соглашений «круглого стола».

Глава первого некоммунистического правительства в стране Т. Мазовецкий констатировал в свое время, что становление новых политических элит в стране началось в 1980 г. с создания «Солидарности» и поддержки интеллигенцией рабочего протеста [Мазовецкий, 2003]. По мысли политика, элита «Солидарности» была слишком неоднородной, и, когда завершилась борьба против общего противника в лице «коммунистической власти», между представителями разных группировок в профсоюзе начался раскол. Мазовецкий считает, что умение договариваться – одна из главных черт политической элиты, а элиты, связанные с «Солидарностью», не обладали этим умением в должной мере. Общество, несмотря на все трудности трансформации, поддержало вступление Польши в НАТО и ЕС, а также ориентацию на рыночную экономику.

Причем прежняя элита оставалась (и остается по сей день) во властных структурах, отказавшись от старой идеологии и системы ценностей. Именно это обстоятельство стало одним из главных факторов политической борьбы между основными политическими игроками последнего десятилетия: партией «Право и справедливость», возглавляемой Я. Качиньским, и «Гражданской платформой», лидером которой до недавнего времени был Д. Туск. Я. Качиньский постоянно упрекал своего политического оппонента в покровительственном отношении к прежним элитам (примечательно при этом, что оба политика с молодых лет были связаны с оппозиционным движением и «Солидарностью»).

Изменились источники рекрутирования политической элиты. До 1989 г. главным резервом политической элиты были политики, связанные с Польской объединенной рабочей партией (ПОРП) или союзническими партиями: Демократической партией и Объединенной крестьянской партией. До 1970 г. именно такой путь был доминирующим. В 1970–1980-е годы политическую карьеру

еру все чаще делали активисты местных партийных организаций и органов администрации. В 1980-е годы политическая элита обновилась за счет сотрудников непартийных общественных организаций, высшей школы и т.д. Именно в этот период политическую карьеру сделали журналисты М. Раковский, Е. Урбан, профессора Я. Рейковский, З. Месснер.

После 1989 г. правомерно выделить следующие типы политической карьеры: 1) ведущие деятели «Солидарности»; 2) представители двух поколений польских диссидентов (первое – «поколение 1968 г.»¹, второе – перешедшее в оппозицию в 1980–1981 гг.), а также интеллектуалы, необязательно связанные с «Солидарностью», но зарекомендовавшие себя как идейные борцы с коммунизмом; 3) политики местного масштаба, далекие от пафосных заявлений, но ставящие перед собой конкретные карьерные цели [Dobek-Ostrowska, 1996, s. 82].

В современной Польше основным ресурсом создания политической элиты являются политические партии. Политическая элита состоит из кабинетной (правительственной) элиты и элиты выборной (делегированной). К последней относятся президент страны, депутаты сейма и сената, члены Европейского парламента, лица, входящие в такие структуры, как Совет национальной безопасности, Национальный совет по телевидению и радиовещанию. Кабинетная элита формируется путем назначения. Таким образом, как отмечает российский исследователь И. Жуковский, «принцип рекрутирования определяется волей политического лидера, получившего право формирования правительства по итогам парламентских выборов» [Жуковский, 2013, с. 174]. В свою очередь президент использует механизм назначения для создания своей администрации. Кроме этого, президент назначает премьер-министра. Таким образом, формирование кабинетной элиты является достаточно жестко регулируемым процессом.

По мысли Жуковского, в современной Польше можно выделить несколько способов рекрутирования кабинетной элиты:

---

¹ В 1968 г. в Польше имели место массовые выступления протеста интеллигенции и учащейся молодежи. – Прим. авт.

«1) партийный (именно партийная принадлежность дает возможность войти в состав кабинета министров либо в состав политического кабинета министров); 2) карьерный (продвижение по государственной службе в рамках карьеры чиновника); 3) профсоюзный (принадлежность к руководству профсоюза дает возможность политического участия на самом высоком уровне, минуя ряд предварительных инстанций); 4) парламентский (вхождение в правительственную элиту становится возможным благодаря активной депутатской работе; как правило, руководители парламентских специализированных комиссий – это ближний кадровый резерв любого правительства); 5) экспертный (политическая карьера является следствием признания в политической среде академического либо экспертного статуса); 6) корпоративный (вхождение в политическую элиту как результат конвертации высокого статуса в политический капитал статуса предпринимателя, деятеля культуры, лидера профессионального сообщества)» [Жуковский, 2013, с. 175].

В начальный период трансформации лишь немногие представители политической элиты имели опыт работы в высших органах государственной власти и администрации, да и вообще политический опыт. Само осознание себя как политиков пришло со временем. Так, депутаты Контрактного сейма¹, в подавляющем большинстве впервые в жизни исполнявшие депутатские обязанности, не считали себя политиками, старались дистанцироваться от причисления к разряду таковых, расценивая политику как дело, не совсем соответствующее требованиям морали [Post, 1995, s. 203].

Депутаты сейма первого созыва² в большей степени, чем их предшественники, демонстрировали склонность причислять себя к разряду политиков. Как замечает И. Панков, «депутаты поняли, что являются политиками, так же как герой Мольера понял, что говорит прозой» [Pankow, 1995, s. 170].

Процесс трансформации элит сопровождался преобразованием конфликта интересов в конфликт ценностей. И. Панков по-

---

¹ Контрактный сейм – сейм, избранный в 1989 г. на основе договоренностей «круглого стола», предполагавших определенные условия распределения мест в парламенте. – Прим. авт.

² Сейм первого созыва действовал в период 1991–1993 гг. – Прим. авт.

лагает, что польские элиты периода трансформации должны были исполнить «двойную обязанность», предполагавшую реализацию как текущей политики, так и метаполитики, т.е. разработки неких новых правил игры для общества. Причем, если на первом этапе преобразований главной была задача достижения консенсуса между разными группами элит, то со временем всё более важной становилась задача достижения консенсуса между элитой и обществом [Pankow, 1995, s. 170].

Небезынтересно проследить, как менялся (и менялся ли) облик политической элиты на протяжении периода демократических преобразований. На заре нового польского парламентаризма, в 1989–1993 гг., т.е. в период, начавшийся с победы «Солидарности» и завершившийся победой социал-демократов на парламентских выборах, в депутатском корпусе явно преобладали мужчины. Доля женщин в Контрактном сейме составляла 13,5%, в сейме первого созыва – 9,6%. Более 90% депутатов сейма и 100% сенаторов, избранных в 1989 г., не имели опыта парламентской работы [Dobek-Ostrowska, 1996, s. 119]. В сейме первого созыва работало только 4,8% юристов, что отнюдь не облегчало законотворческую деятельность. Научные работники составляли 8,3% депутатского корпуса, представители государственной администрации – 0,2, инженеры и архитекторы – 3,9, журналисты и публицисты – 3,3, экономисты – 3,5, учителя – 4,1, техники – 2,8, крестьяне – 12,2%. На долю представителей других профессий приходилось 42%; 15% депутатов не смогли определить свою профессиональную принадлежность, а 8,9% обозначили свою профессию как «политик» [Ibid, s. 120].

Контрактный сейм очень быстро утратил популярность в обществе. Однако и сейм первого созыва, хотя и был избран в 1991 г. в полном соответствии с демократическими принципами, не обладал высоким авторитетом. Как полагает Б. Добек-Островская, этот сейм вследствие низкого уровня подготовки депутатов носил скорее любительский, чем профессиональный характер [Ibid, s. 125].

Парламентская элита того периода была разобщенной, фрагментарной. Эффективной работе парламента мешало постоянное давление со стороны профсоюзов и президента. Немаловажную роль играло отсутствие парламентской дисциплины, обяза-

тельность депутатов¹. Не способствовал авторитету сейма и образ польских парламентариев, сформировавшийся в СМИ и рисуемый почти исключительно черными красками.

Депутаты сейма в очень незначительной степени связывали свою деятельность с реализацией программных установок тех политических партий, с которыми они были связаны. Как полагает В. Веселовский, в работе сейма 1991–1993 гг. проявилась «туманность» и неопределенность партийных политических программ, трудноотличимых друг от друга. Представители парламентской элиты по-разному понимали стоящие перед ними задачи. Для одних смысл трансформации состоял в утверждении либеральных принципов в жизни страны, для других – в своеобразной «посткоммунистической евангелизации» после длительного периода атеизма. Такая «евангелизация», как полагает В. Веселовский, имела не только антикоммунистическую, но и антимодернистскую направленность [Wesołowski, 1995, s. 112].

Что касается правительственной элиты, то в начальный период существования Третьей Речи Посполитой² она была представлена главным образом людьми среднего возраста. В правительстве первого некоммунистического премьера Т. Мазовецкого средний возраст членов кабинета составлял 50,7 года, в правительстве Я.К. Белецкого³ – 49,2 года, Я. Ольшевского⁴ – 50,1 года, Х. Сухоцкой⁵ – 50,2 года. Все названные кабинеты состояли практически из одних мужчин: в правительстве Мазовецкого и Белецкого было по одной женщине, в правительстве Ольшевского женщин не было, в правительстве Сухоцкой единственной женщиной была глава

---

¹ Так, из-за опоздания к началу голосования одного из депутатов сейма из-за «проблем с желудком» в 1992 г. пало правительство Х. Сухоцкой. – Прим. авт.

² В нынешней Польше этот термин широко применяется и в научной литературе, и в публицистике. – Прим. авт.

³ Правительство Я.К. Белецкого действовало в период с января 1991 г. по декабрь 1991 г. – Прим. авт.

⁴ Правительство Я. Ольшевского действовало в период с декабря 1991 г. по июль 1992 г. – Прим. авт.

⁵ Правительство Х. Сухоцкой действовало в период с июля 1992 г. по октябрь 1993 г. – Прим. авт.

кабинета. В 1989–1993 гг. имела место высокая степень ротации руководящих кадров. Только министр иностранных дел К. Скубишевский входил в состав всех четырех кабинетов, один министр входил в состав трех кабинетов и 12 министров – в состав двух.

В правительстве Т. Мазовецкого 26 членов кабинета имели ученую степень, около 50% министров в трех остальных кабинетах были до прихода в правительство научными сотрудниками. Экономисты в правительстве Мазовецкого были представлены в количестве пяти человек, в правительстве Я. Белецкого их было восемь, в правительстве Сухоцкой – семь. Меньше всего экономистов работало в правительстве Я. Ольшевского [Dobek-Ostrowska, 1996, s. 126–127].

Правительство Т. Мазовецкого отличалось стремлением действовать в соответствии с моральными принципами и идеалами «Солидарности», в составе правительства работали видные польские интеллектуалы. К таковым относился сам Т. Мазовецкий, а также К. Скубишевский, Я. Куронь, Е. Осятынський, Х. Самсонович, Л. Бальцерович. Видное место принадлежало в то время интеллектуалам и в сейме, причем особым влиянием пользовались представители католической интеллигенции, а также левые демократы К. Модзелевский и Я.Ю. Липский.

В сеймах первых созывов число депутатов с высшим образованием превышало 50%, а число лиц, имеющих ученую степень, колебалось в пределах от 14,5 до 17,8% [Ibid, s. 121–122]. Менялся социальный состав депутатского корпуса: среди депутатов становилось все меньше рабочих (1,7% в сейме первого созыва и 0,2% в сейме третьего созыва) и крестьян (соответственно 12,6 и 2,8%) [Wesołowski, 2000, s. 118–120].

Со временем депутаты начали осознавать себя профессиональными политиками. Небезынтересно в связи с этим определить, что именно депутаты понимают под профессионализмом. Так, депутаты сейма третьего созыва в это понятие включали определенный уровень знаний, опыт работы в политических партиях, органах администрации, профсоюзах. По мнению польского социолога Б. Пост, политический профессионализм в понимании депутатов сейма можно определить как некий «этический профессионализм»,

где определяющая роль отводится честности и порядочности, принципиальности, бескорыстию, надежности, правдивости.

Депутаты уверены, что профессиональный политик должен руководствоваться убеждениями, ставить во главу угла намерения и ценности, а не результаты своих действий. Именно такой выбор польских политиков в этой дихотомии этики убеждений и этики ответственности, предложенный Максом Вебером, определяет во многом своеобразии акторов польской политической сцены [Post, 2001, s. 95]. Однако, как показывает опыт, между саморепрезентацией, идеализированным образом «себя» и реальностью существует достаточно большой разрыв.

За годы, прошедшие после начала трансформации, Польша стала государством с устоявшимися правилами демократической политической жизни: в соответствии с движением «политического маятника» в стране происходила смена политических партий, пребывающих у власти. Довольно быстро (в 1993 г.) элиты «Солидарности», не сумевшие сплотиться и сохранить свои позиции на политическом олимпе, уступили место левым, в 1995 г. социал-демократ А. Квасьневский стал президентом Польши. Но в 1997 г. правые партии сумели сплотиться в рамках Избирательной акции «Солидарность», с тем чтобы в 2001 г. вновь уступить место левым.

Первые 15 лет XXI в. стали для Польши периодом интенсивной и насыщенной событиями политической жизни. За эти годы поляки четыре раза выбирали президента страны: в 2000 г. им стал А. Квасьневский, в 2005 г. – Л. Качиньский и в 2010 г. – Б. Коморовский, а в 2015 г. – А. Дуда. Пять раз избиратели отдавали свои голоса за ту или иную партию, выбирая депутатов сейма: в 2001, 2005, 2007, 2011 и 2015 гг.

Это было время «триумфа и трагедии» Польской социалистической партии, столь уверенно выступившей на политической сцене в начале века. Она сумела добиться победы «своего» президента – А. Квасьневского, обойти всех противников на парламентских выборах 2001 г. и почти исчезнуть к концу указанного периода, даже не пройдя в парламент в 2015 г., утратив и былую сплоченность и доверие избирателей, погрязнув в пучине громких коррупционных скандалов и идейном кризисе.

За эти годы Польша пережила период политических успехов популистских партий «Самооборона» и «Лига польских семей», не самых влиятельных, но шумных и эпатажных игроков польской политической сцены. Правда, звезда этих партий закатилась, их положение явно маргинально. Но они были, они входили в состав правящей коалиции, их представители занимали важные государственные посты. На выборах 2015 г. успех сопутствовал польским националистам, впервые после 1989 г. получившим места на парламентских скамьях.

Главное содержание политической жизни Польши с 2005 г. определялось противостоянием двух ведущих партий правого спектра – «Гражданской платформы» (ГП) и «Права и справедливости» (ПиС). Амплитуда движения политического маятника стала очень ограниченной: маятник задержался в правой части политического спектра, и борьба разворачивается между очень близкими, по сути, партиями ГП и ПиС. Причем борьба ожесточенная, не на жизнь, а на смерть, принявшая форму настоящей «польско-польской войны».

В этой войне политическое счастье чаще сопутствовало ГП. Именно эта партия была у власти с 2007 по 2015 г. Ее политический конкурент ПиС, победив на выборах в 2005 г., быстро утратил власть (в 2007 г.), но сумел взять реванш на выборах 2015 г., по сути став хозяином страны: большинство мест в парламенте, позволяющее править, не вступая в коалицию с другими политическими партиями, и пост президента – таков был блестящий для этой партии итог 2015 г.

«Польско-польская война», по сути, являет собой борьбу элит. Если посмотреть на движение политического маятника с точки зрения теории *циркуляции элит*, то, по мнению Я. Пакульского и Я. Василевского, используя классическую метафору Парето об «элите львов» и «элите лис»¹, можно констатировать, что постепенно «лисы» приобретают всё больший политический вес. Именно

---

¹ В. Парето выделял два типа элит: «лисы» и «львов». «Лисы» – это элиты, которые предпочитают хитрость, изворотливость. Такие элиты больше подходят для правления в стабильных демократических режимах. «Львы» – это элиты, которые предпочитают жесткие методы управления и, как правило, действуют в экстремальных условиях. – Прим. авт.

они были сторонниками «самоограничивающихся» (по терминологии польского социолога Я. Станишкис) революций в Восточной Европе. В Польше переговоры за «круглым столом» и последующие системные изменения были делом «лис». Однако политика лис привела к таким болезням польской политической системы, как фрагментация власти, снижение ее политико-законодательной эффективности, дробление партий, олигархизация общества.

Доминирование «лис» в польской политике было предопределено компромиссным способом перехода от коммунизма к либеральной демократии. Лех Валенса в свое время пытался проводить политику «твердой руки», часто обращался к образу Ю. Пилсудского, нередко прибегал к угрозам. Примечательно, что в сатирических передачах он часто представал в образе льва. «Но его львиная риторика, – замечают Я. Пакульский и Я. Василевский, – была прикрытием лисьей политики, которой благоприятствовал характер политической сцены...» [Пакульский, Василевский, 2008, с. 23].

В первой половине 1990-х годов ни одна партия в Польше не была достаточно сильна для проведения жесткой политики. Крупные партии, по сути, были конгломератами групп с различными целями, что не благоприятствовало жесткости и твердости политической линии. Неустойчивость партийной системы проявлялась и в облике польского сейма. Только социалисты, аграрии и консерваторы были представлены во всех созывах. Как ни странно, в католической Польше не возникло сильной христианско-демократической партии. «Лисий характер» польских элит проявился в их низком профессионализме, коррупции, nepотизме, характерных, впрочем, для всех бывших социалистических стран.

Негативные черты польской элиты особенно ярко обозначились в период правления левых (2001–2005). Подобного рода процессы вызвали в польском обществе настроения в пользу «львов». В этом контексте, во-первых, все политические силы начали демонстрировать стремление к проведению «твердой линии». Даже партия «Гражданская платформа», имеющая репутацию гибкой и умеренной, стала занимать твердую позицию по многим вопросам, а лидер партии Дональд Туск, прежде воспринимаемый как мягкий и готовый к компромиссам, всё более обретал черты сильного

политика. Во-вторых, имел место рост поддержки партий, приверженных традиционным ценностям и вместе с тем достаточно бескомпромиссных. Речь идет прежде всего о партии «Лига польских семей» [Пакульский, Василевский, 2008, с. 25].

Однако главным бенефициаром «заката лис» стала партия «Право и справедливость». Когда Польская социалистическая партия показала свою коррумпированность и безыдейность, симпатии избирателей переместились в сторону твердых и бескомпромиссных братьев Качиньских, что подтвердили результаты выборов 2005 г. «Львиная стратегия» ПиС была направлена на восстановление в общественном сознании дихотомии «мы» – «они». На одном полюсе – патриотизм, католицизм, семья, нация, национальный суверенитет и общественная солидарность. На другом – оппортунизм, коррупция, безыдейность, космополитизм, беззаконие, пренебрежение к традиционными ценностям. ПиС, по мысли Пакульского и Василевского, выступала как «ведущий лев» польской политики.

ПиС исходила из того, что нынешняя Польша несет в себе «первородный грех», состоящий в переходе к демократии в ходе компромисса с коммунистами, переговоров «круглого стола». Избавиться от этого греха можно лишь одним способом – разрушить прогнившее здание третьей Речи Посполитой и построить четвертую Речь Посполитую. При этом особое значение придается декommунизации и люстрации. Ставка сделана и на борьбу против коррупции, преступности, финансовых злоупотреблений. В 2007 г., однако, как упоминалось выше, «львиная стратегия» не сработала и ПиС утратила власть. Но в 2015 г. эта стратегия оказалась востребованной и принесла партии победу.

Итак, 2015 г. многое изменил на польской политической сцене, причем перемены оказались неожиданными и удивили многих обозревателей и аналитиков. Представление о том, какой была политическая элита накануне перемен, дает достаточно подробное исследование польских социологов. Сегодня средний возраст представителей политической элиты составляет 52 года. Лишь 3% – люди достаточно пожилые, старше 70 лет. Правительственная элита несколько моложе – в среднем 48 лет. Мужчины составляют 79,5%,

причем среди парламентской элиты число женщин на несколько процентов выше, чем среди представителей правительственной элиты. Меньше всего женщин – немногим более 12% – среди местной элиты [Matuja, Sajduk, 2013, s. 8–9].

«Кузницами» элитных кадров являются университеты – Варшавский, Краковский, Познанский, Вроцлавский. Варшавский университет закончил каждый четвертый представитель элиты, Краковский – каждый девятый. Наиболее заметна специализация применительно к местным элитам – экономическая, сельскохозяйственная, и, что не совсем ожидаемо, среди ее членов много историков. В правительственной элите достаточно широко представлены юристы и экономисты [Ibid, s. 16–17].

Стаж пребывания в составе политической элиты составляет в среднем немногим более девяти лет. Лишь немногие политики занимали важные государственные посты до 1989 г. Карьеры местных элит более стабильны, чем политические карьеры высших руководителей. Средняя длительность пребывания на руководящих постах на местах составляет 8 лет, в случае президентов городов¹ – более 11 лет. В правительстве Д. Туска² министры пребывали на своей должности в среднем немногим больше 2,5 года. Сам Туск является одним из немногих «долгожителей» в польской политике. На момент исследования (1 июля 2013 г.) он пребывал в должности 2053 дня, гораздо дольше, чем европейские политики, средняя длительность пребывания в должности которых составляет значительно меньший срок: для Италии – 329 дней, для Франции – 498 дней [Ibid, s. 22].

Если детализировать социологический портрет польской политической элиты, то можно констатировать, что применительно к парламентской элите средний возраст ее представителей близок к среднему по Европе и составляет 52 года. Доля женщин – 22%. Для сравнения в Украине этот показатель равен 8%, в Румынии – 10%, что относится к самым низким показателям в Европе [Ibid, s. 26].

---

¹ Принятое в Польше обозначение должности главы города. – Прим. авт.

² Правительство, возглавляемое Д. Туском, находилось у власти с 2007 по 2015 г. – Прим. авт.

В Европейском парламенте депутаты от Польши немного моложе своих европейских коллег. Доля женщин-евродепутатов значительно ниже среднеевропейского уровня: меньше только среди депутатов от Словакии.

Анализируя правительственную элиту, социологи отмечают, что в правительстве Д. Туска среди 43 министров, входивших в состав двух правительств, работавших под его руководством, 6 человек не были членами партий, составлявших правительственную коалицию, 12 человек не принадлежали ни к какой партии. Средний возраст членов правительства составил 50 лет. При этом самыми старшими были работники министерства науки и образования, самыми младшими – министерства спорта и туризма. Доля женщины в составе правительства – 28%. Более трети представителей правительственной элиты получили образование в Варшаве, затем следуют Краков, Познань, Гданьск. Больше всего членов правительства имеет юридическое образование – 18%, затем следуют экономисты – 15, аграрии – 7, историки – 6, лица, закончившие факультеты администрации и управления – около 5, социологи – 4% [Matyja, Sajduk, 2013, s. 34]. Члены правительственной элиты – уроженцы Варшавы (18%), Кракова, Гданьска и Вроцлава. До вхождения в состав правительства чаще всего будущие партийные деятели занимались наукой.

Обращение к проблеме рекрутирования политической элиты накануне выборов 2015 г. показывает, что «путь во власть» пролегал прежде всего через партийную карьеру, работу в качестве ассистентов видных политиков, работу в органах самоуправления, экспертную деятельность, научную работу, журналистскую деятельность, работу в СМИ в качестве комментатора, рецензента. В последнее время вырос вес элитных групп, представители которых начинали свою карьеру в органах самоуправления, особенно на уровне воеводства и повята¹, занимались партийной работой.

Депутаты, начавшие свою политическую карьеру в 1990-е годы, составляли 5% состава сейма, работавшего в 2013 г. Карьера 25 депутатов сейма связана с деятельностью во властных структу-

---

¹ Повят – единица административного деления в Польше. – Прим. авт.

рах периода социализма. В состав сейма входили два секретаря ЦК ПОРП¹ (Л. Миллер и М. Свенцицкий); восемь депутатов были участниками заседаний «круглого стола» в 1989 г.: трое со стороны власти и пятеро со стороны оппозиции.

Помимо элиты, представленной в высших органах власти, важная роль в жизни страны принадлежит *местной элите*. К ней относятся лица, работающие в органах местного самоуправления [Sokół, Zmigrodzki, 2002, s. 466]. После демократической революции 1989 г., в частности после принятия закона о местном самоуправлении (1990), в его деятельности произошли серьезные перемены. Важным этапом в развитии органов самоуправления стала реформа 1999 г., когда число воеводств² было сокращено с 46 до 16 и возвращено ранее устраненное звено в системе самоуправления – повяты. В 2002 г. был принят закон о выборах войтов³, бурмистров⁴ и президентов городов. Все эти законодательные акты явились институционально-правовым фундаментом, на котором основывается деятельность местной элиты.

Местные элиты, сформировавшиеся после 1990 г., включили в себя лиц как связанных с «Солидарностью», так и с прежним режимом, во многом потому, что именно последние оказались прежде всего в числе собственников в результате участия в приватизации. Как полагают Я. Василевский и Э. Внук-Липиньский, среди местной элиты можно выделить экономическую, политическую и культурную [Wasilewski, Wnuk-Lipiński, 1995, s. 69–70]. К политической элите относятся деятели исполнительных органов в системе самоуправления: войты, бурмистры, президенты городов, члены управления повятов. Местные элиты формируются на основе вхождений в них партийных и административных деятелей, пользующихся авторитетом в данном сообществе. В частности, в состав элиты могут войти ветераны войны, спортсмены, представители

---

¹ ПОРП – Польская объединенная рабочая партия, пребывавшая у власти до 1989 г. – Прим. авт.

² Воеводство – административная единица в Польше. – Прим. авт.

³ Войт – глава сельской гмины (наименьшей административной единицы). – Прим. авт.

⁴ Бурмистр – глава городской гмины. – Прим. авт.

знатных родов, а также люди искусства, популярные журналисты. Правда, иногда в элиту попадают люди с сомнительным прошлым: преступники, спекулянты.

Основным «поставщиком» представителей политической элиты в Польше на всех уровнях является интеллигенция. Профессор Т. Зарыцкий (директор Института социальных исследований Варшавского университета) полагает, что роль интеллигенции в формировании политической элиты является определяющей. «Интеллигенция, – утверждает профессор, – создает элиту, которая оказывает решающее влияние на все происходящее в стране» [Zarycki, 2016, s. 20]. В Европе механизмы формирования элит различны, но в любом случае ключевая роль принадлежит тем, кто обладает контролем над экономическим капиталом. Это касается стран «европейского центра». Польша – страна в значительной мере периферийная, не имевшая собственной буржуазии в прошлом и зависимая от иностранного капитала. Общественная трансформация не изменила этого положения.

Как полагает Т. Зарыцкий, «союз интеллигенции с иностранным капиталом на фоне слабости государства оказался оптимальной стратегией сохранения влияния и доминирования интеллигенции с помощью важнейшего для нее капитала – культурного» [Zarycki, 2016, s. 19]. Интеллигенция нашла свое место в «компрадорском секторе услуг», занимаясь консалтингом, работая в науке и образовании.

Эта ситуация для Польши не нова: примерно о таком же положении вещей применительно к межвоенной Польше писал известный польский социолог Ю. Халасиньский. Таким образом, в Польше (а также и в других «полупериферийных», по выражению Т. Зарыцкого, странах Европы – например, Венгрии или Словакии) сформировались компрадорские элиты. Итоги выборов 2015 г. ситуацию не изменили: хотя нередко говорят об «антиинтеллигентском пафосе» политики Я. Качиньского, на деле лидер ПиС выступает не против интеллигенции вообще, а против «ненастоящей интеллигенции». Как полагает Т. Зарыцкий, речь не идет о противоречии между обществом и интеллигенцией, а о борьбе внутри элиты, сформировавшейся на основе интеллигенции. Все разгово-

ры о крахе интеллигенции несостоятельны. Этот феномен был и остается чрезвычайно важным для польского общественного бытия.

На нынешнем этапе развития страны внутри элиты ведутся споры. В их основе лежат различные представления о дальнейших путях развития Польши: если «Гражданская платформа» делает акцент на европейских ценностях, то главный оппонент ГП – партия «Право и справедливость», пользующаяся ныне поддержкой большинства польского общества, во главу угла ставит скорее национальные ценности.

Список литературы

Жуковский И.И. Структурные изменения политической элиты современной Польши // Власть. – М., 2013. – № 8. – С. 173–177.

Мазовецкий Т. Заботиться не только об интересе своей партии, но и о благе всей страны // Зеркало недели. Украина. – Киев, 2003. – 14.11. – Режим доступа: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/zabotitsya_ne_tolko_ob_intere_se_svoey_partii_no_i_o_blage_vsey_strany.html (Дата обращения – 02.10.2016).

Пакульский Я., Василевский Я. Циркуляция политических элит: От лис ко львам // Полис. – М., 2008. – № 6. – С. 23–36.

Dobek-Ostrowska B. Hiszpania i Polska: Elity polityczne w okresie przejścia do demokracji. Analiza porównawcza. – Wrocław, 1996. – 430 s.

Matyja R., Sajduk B. Polska elita polityczna 2013. – Kraków, 2013. – Mode of access: https://ksiegarnia.wsiz.pl/image/data/dokumenty/raport_druk_1.pdf (Дата обращения – 02.10.2016).

Pankow I. Szkic do portretu zbiorowego elity politycznej // Swiat elity politycznej. – W-wa, 1995. – S. 169–199.

Post B. Aktorzy polskiej sceny politycznej-animatoryzy czy profesjonalisci // Swiat elity politycznej. – W-wa, 1995. – S. 198–215.

Post B. Ciągłość czy zmiana-pojmowanie politycznego profesjonalizmu // Obciążeni polityką. – W-wa, 2001. – S. 95–122.

Sokół W., Zmigrodzki M. Elity polityczne // Wprowadzenie do nauki o państwie i prawie / Red. B. Szmulik, M. Zmigrodzki. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2002. – S. 455–474.

Wasilewski J. Badania nad elitami w Polsce: 1989–1995 // Oblicza społeczeństwa. – Krakow, 1996. – S. 219–236.

Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E. Polska: Kręta droga od elity komunistycznej do solidarnościowej // Elity w Polsce, w Rosji i na Węgrzech: Wymiana czy reprodukcja. – W-wa, 1995. – S. 59–84.

Wesołowski W. Klasy, warstwy, władza. – W-wa, 1980. – 221 s.

Wesołowski W. Rozumienie polityki wśród polityków// Świat elity politycznej. – W-wa, 1995. – S. 111–167.

Wesołowski W. Partie: Nieustanne kłopoty. – W-wa, 2000. – 196 s.

Zarycki T. Ona mówi, jak ma być // Polityka. – W-wa, 2016. – 16 lut. – S. 18–20.

Znamierowski Cz. Elita i demokracja. – W-wa, 1992. – 123 s.